

АСЯ ФАН ЮЭ
ПОГАСШИЙ АВТОР

ВЕСЫ
КОРОЛЕВСТВА:
ИСПЫТАНИЕ СЕРДЕЦ

НИКОГДА НЕ СДАВАЙСЯ

18+

Ася Юэ
Автор Погасший
Весы королевства:
испытание сердец

<https://litres.ru/74569262>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эми очнулась в собственном теле, но чужой жизни. Магический сон стер ее первую любовь - имя Велирий исчезло, оставив лишь звенящую пустоту. Мир вокруг искрится волшебством, и это было бы идеальным началом, если бы за каждым шагом Эми не следил безмолвный страж из теней.

Велирий всегда рядом. Он охраняет ее ценой собственных легких, забывших как дышать без нее. Готов убить любого врага, но сам остается невидимкой. Одно его слово вернет ей прошлое, но он молчит: правда о пережитой боли может разрушить ее рассудок быстрее любой тьмы.

Однако магия не прощает забытых долгов. Древние контракты требуют оплаты, и долг растет с каждой минутой беспамятства. Чтобы выжить, ей придется довериться призраку, пахнущему потерянными счастьем, и вспомнить то, чего никогда не знала.

Но готова ли она впустить в свою новую реальность ту часть души, которую сама приказала уничтожить? Ведь некоторые двери памяти лучше никогда не открывать.

Содержание

Глава 1. Возвращение во дворец	5
Глава 2. Ожидание	20
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ася Фан Юэ, Автор Погасший Весы королевства: испытание сердец

Глава 1. Возвращение во дворец

Я шёл тропами Мира, что за Гранью, — и каждый шаг давался с трудом, будто я пробирался сквозь вязкую, сопротивляющуюся тьму. Ноги будто наливались свинцом, а дыхание вырывалось из груди тяжёлыми, рваными толчками. Под ногами хрустели странные, будто стеклянные ветви — они ломались с пронзительным, почти музыкальным звоном, рассыпаясь на острые, искрящиеся осколки. Эти осколки мерцали в тусклом свете призрачных лун, отбрасывая на землю причудливые, дёргающиеся тени.

Воздух был густым, как кисель, пропитанным запахом тлена и чего-то ещё... чего-то древнего и опасного. Он обволакивал кожу липким, холодным потом, проникал в лёгкие, вызывая приступы удушливого кашля. В этом запахе смешивались ноты разлагающейся листвы, затхлой воды и едва уловимый металлический привкус — будто где-то рядом текла

река из расплавленного железа.

Я размышлял о том, что произошло за последние дни, и невольно ёжился. Мысли метались, как загнанные звери, цепляясь за обрывки воспоминаний: тайные встречи в полутёмных переулках, шёпот за спиной, предостережения, брошенные вскользь, но от этого не менее весомые. Слишком много внимания я привлёк — а это плохо. Очень плохо. Да, я последователь Госпожи Смерти, но даже мне не стоит лишний раз напоминать об этом миру. Особенно такому... недружелюбному. Здесь магия — не дар, а клеймо, а эманации Смерти — красная тряпка для всех, кто жаждет власти или просто любит охоту.

Огибая по широкой дуге тени, в которых могли прятаться местные хищники, я старался не издавать ни звука. Эти твари чуют магию за километры — а уж эманации Смерти и подавно. Их охотничий инстинкт отточен веками: они чувствуют малейшее колебание магического поля, как акулы — каплю крови в океане. И тогда... что ж, смерть здесь — не самое страшное. Гораздо хуже остаться в живых, но чувствовать, как чья-то незримая рука медленно, неторопливо сжимает горло. Будто невидимая петля затягивается всё туже, выжимая из лёгких последний воздух, а разум погружается в липкий, беспросветный ужас.

И вдруг я заметил сияние.

Оно пульсировало в темноте, как рана в ткани мироздания. Эманации Смерти. Яркие, пульсирующие, будто биение

раненого сердца. Здесь они были особенно насыщенными — и многочисленными. Кто-то умирал. Не один. И умирал мучительно. Я видел, как свечение то вспыхивало алыми всполохами, то угасало до тусклого багрового мерцания, будто кто-то боролся с неизбежным, цепляясь за жизнь из последних сил.

Любопытство — плохая черта для серого мага, но я не смог устоять. Осторожно, стараясь не привлекать лишнего внимания, я двинулся к источнику свечения. Вихрь энергии уже истончил Грань между мирами — и становился всё ярче. Его пульсация отзывалась в висках глухим, назойливым стуком, а пространство вокруг дрожало, как перегретое стекло. Слишком ярко. Это могло привлечь кого-нибудь... покрупнее и пострашнее меня. Возможно, тех, кто давно ждал повода, чтобы стереть меня с лица мироздания.

Но я рискнул.

Почти без труда прорвав Грань (и тут же запечатав её за собой — пусть ненадолго, но этого хватит), я услышал звуки. Затихающий магический бой... вернее, бойню. Свист рассекаемого заклинаниями воздуха, глухой рокот взрывов, предсмертные крики, переходящие в нечеловеческий вой. И от этого звука у меня по спине пробежал холодок, а волосы на затылке встали дыбом.

То, что я увидел, заставило меня замереть.

На земле, в беспмятстве, лежала Эмили. Королева. Её платье было порвано в клочья, обнажая бледную, покрытую

царапинами кожу. Волосы спутались, превратившись в тёмный, влажный клубок, прилипший к лицу. Но не это заставило моё сердце сжаться от тревоги. Вокруг неё клубилась такая мощная магическая аура, что даже воздух дрожал, искажая очертания предметов. Синие и фиолетовые всполохи танцевали над её телом, то сливаясь в единое целое, то распадаясь на тысячи искр, которые осыпались на землю, как мёртвые светлячки.

«Проклятье...» — мысленно выругался я, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони.

С минуты на минуту сюда могли явиться все драконы этого проклятого мира. Их чешуя, непробиваемая для большинства заклинаний, их когти, способные расщепить камень, их дыхание, превращающее плоть в пепел... А я стою тут, как идиот, и смотрю на бесчувственную Королеву, не зная, что делать.

Я бросился к ней, пытаюсь снять магический слепок — хоть какой-нибудь след, чтобы понять, что с ней случилось. Мои пальцы дрожали, сплетая тонкие нити заклинания, но каждый раз, когда я начинал плести его, аура Эмили буквально разрывала его на части. Магия рассыпалась искрами, не успевая оформиться, оставляя на ладонях болезненные ожоги.

Именно в этот момент, когда я в очередной раз безуспешно пытался справиться с её магическим фоном, появились они.

Драконы.

Их крылья заслонили призрачный свет лун, погрузив поляну во тьму. Чешуя отливала металлическим блеском — от угольно-чёрного до кроваво-красного, а глаза горели холодным, расчётливым умом. Среди них я сразу заметил герцога Ардена — его аура была слишком узнаваемой: плотная, золотисто-оранжевая, с вкраплениями изумрудных нитей, символизирующих древнюю кровь его рода. Но не он первым открыл рот.

— Смотрите! Вампир! Он собирается убить Королеву! — выкрикнул кто-то из его спутников, даже не разобравшись в ситуации. Голос дрожал от ярости и страха, выдавая неопытность говорящего.

Его возглас подхватили другие, и через мгновение воздух наполнился криками:

— Уничтожить его!

— Он оскверняет её тело!

— Боевая магия, быстро!

Я замер, подняв руки в жесте капитуляции. Ладони вспотели, а в горле пересохло так, что стало трудно дышать. В голове проносились сотни вариантов — и ни один не обещал выжить. Я мог попытаться бежать, но драконы быстрее. Мог атаковать первым — но их слишком много. Мог попытаться объяснить... но кто станет слушать вампира в такой момент?

«Велирий, — подумал я с горькой усмешкой, — ты опять вляпался в неприятности...»

Я почувствовал, как что-то твёрдое и тёплое придвинулось ко мне сбоку. Зверь Эми — её верный питомец, огромный, с шерстью цвета черного ворона, — резко встал на мою защиту, закрывая меня собой. Его шерсть встала дыбом, переливаясь в призрачном свете, а из горла вырвалось низкое, утробное рычание, от которого содрогнулась земля. Он припал к ней, выставив вперёд мощные лапы с когтями, похожими на изогнутые кинжалы, — готовый в любой момент броситься в атаку.

А вот самой девушке становилось только хуже. Её магия вышла из-под контроля — пульсирующие волны силы расходились от неё, как круги по воде, но не затихали, а нарастали, набирая мощь. Ещё немного — и произойдёт новый взрыв, способный стереть с лица земли всё в радиусе нескольких лиг. Я ощущал это кожей: воздух наэлектризовался, волосы на руках встали дыбом, а в ушах зазвучал тонкий, почти неслышный звон — предвестник катастрофы.

Брат Эмили, герцог Арден, заметив это, резко вскинул руку:

— Всем отойти! Немедленно!

Его голос прозвучал как удар хлыста — властный, не терпящий возражений. И драконы, несмотря на свою гордыню и силу, послушно отступили, отходя подальше от эпицентра бушующей магии. Их чешуя мерцала в полумраке, глаза горели тревогой — они знали, на что способна магия королевской крови, если выйдет из-под контроля.

Он шагнул к сестре. Его облик изменился — теперь он был так же величественен, как и она, будто два древних бога спустились на землю. Черты лица заострились, кожа засветилась изнутри мягким, серебристым светом, а за спиной на миг проступили очертания призрачных крыльев. Он попытался успокоить её магию — но простые методы не работали. Заклинания, способные усмирить даже бурю, рассыпались, едва коснувшись ауры Эмили.

Тогда он выбрал иной путь.

Создав оболочку, похожую на яйцо дракона — полупрозрачную, мерцающую, с прожилками энергии, — он начал запечатывать в ней часть силы сестры. Это было похоже на танец: плавные, почти ритуальные движения рук, вспышки света, вихри энергии, которые он аккуратно «сматывал» и заключал в полупрозрачные сферы. Каждая сфера пульсировала, будто живое сердце, храня в себе каплю неукротимой мощи Эмили.

Когда ему наконец удалось усмирить её магию, он раздал каждому из клана драконов по такому яйцу.

— Соедините с ними свою магию — и нейтрализуйте её — произнёс он холодно, и в его голосе не было ни капли тепла. — А теперь — уходите.

Драконы, получив артефакты, будто забыли обо всём, что было до этого. Они поспешно покинули поле боя, оставив нас с герцогом Арденом наедине.

— Это всё ты! — его голос дрожал от ярости, а глаза ме-

тали молнии. — Из-за тебя моя сестра в таком состоянии! Ты притащил сюда людей, показывая, что тут много места для того, чтобы разрушить всё! Только ты ошибся — клан серебряных драконов намного сильнее людей и всех остальных!

В его руке возник меч, выкованный из лунного металла, — его остриё он направил прямо на меня. Он стоял, закрывая сестру спиной, — и в его глазах читалась неприкрытая ненависть, смешанная с болью за близкого человека.

Я осторожно погладил зверя Эмили по загривку. Его шерсть была горячей, вибрирующей от сдерживаемой силы.

— Отнеси её к пролому между мирами, — прошептал я, вливая в слова каплю магии, чтобы приказ стал непреложным. — Она устала. Ей нужно укрытие.

Питомец коротко рыкнул в знак понимания, осторожно подхватил бесчувственную хозяйку зубами за края разорванного платья — удивительно бережно для существа таких размеров — и унёс её прочь, растворяясь в тенях.

Аристократы ушли, получив свои артефакты, и теперь мы с герцогом остались один на один. Я коротко кивнул ему в знак приветствия, с огромным трудом сдерживая желание ударить магией смерти по этому напыщенному дворянину. Внутри всё кипело от гнева — но я знал, что сейчас важнее сохранить ясность ума.

«Я бы никогда не заключил сделку с врагами своей подруги, — пронеслось у меня в голове. — И уж точно не стал бы

заманивать свою будущую жену в ловушку».

Но у брата Эмили были иные причины для ненависти. Ревность. Подозрительность. И жгучая, разъедающая гордость, которая не позволяла ему видеть дальше собственного носа. Он боялся потерять контроль над сестрой, над её судьбой — и винил во всём меня, удобного врага.

Я выпрямился, глядя на него с высоко поднятой головой, и покачал головой:

— Я не признаю этих обвинений.

Заметив, что Эмили и её зверь уже у пролома, я щёлкнул пальцами. Короткая серая вспышка — и они исчезли, перенесённые через Грань в безопасное место.

«Эмили, не знаю, слышишь ли ты меня, но я отправил тебя к своей Покровительнице, — мысленно обратился я к ней. — Мои познания в магических болезнях невелики, но я понял: у тебя повреждены манопотоки. Тебе нужна помощь искусного целителя. Прости, что не смог пойти за тобой. Но знай — я найду способ помочь».

Я призвал клинок из магии антипода жизни — он возник в моей руке, мерцая тусклым серым светом, будто сотканный из тени и пепла. Лезвие его не отражало свет, а поглощало его, создавая вокруг себя зону мрака.

— Герцог Арден, полагаю, у вас есть ко мне невысказанные обиды и вопросы, — произнёс я церемонно, поклонившись и отсалютовав клинком. — Буду рад ответить на них... в ходе поединка.

Герцог заметил, что его сестра исчезла, и его лицо исказилось от ярости. Мышцы на шее вздулись, а пальцы так крепко сжали рукоять меча, что костяшки побелели.

— Ты... Куда ты дел мою сестру?! — выкрикнул он, бросаясь на меня с мечом. Его движения были быстрыми, отточенными годами тренировок. — Верни мне её, а сам катись в ад! — его клинок засвистел в воздухе, рассекая его с леденящим душу свистом. — Отец не прав на твой счёт! Ты никак не можешь дарить ей счастье! Рядом с тобой она будет только несчастна! Я буду выступать против вашего брака! Как член семьи и один из герцогов, я в силах пойти против прошлого короля и его слов! А тебя за предательство брошу в темницу навечно!

Наши клинки звенели, сталкиваясь с оглушительным грохотом. Мы кружили друг напротив друга, скалясь, как звери, выискивая слабые места в защите. В какой-то момент герцог решил использовать магию — его меч вспыхнул алым, готовясь выпустить волну испепеляющего пламени. Но в тот же миг его сбило мощным потоком воды. Волна, возникшая будто из ниоткуда, швырнула его к дереву на другом берегу. Река, до этого тихая и спокойная, вдруг забулжила, потекла быстрее, будто радуясь победе, её воды переливались серебром в лунном свете.

Я напряжённо вглядывался вдаль магическим зрением, отслеживая перемещение Эмили и её зверя. Сердце на мгновение замерло, когда я увидел, что они оказались прямо в

объятиях моей Покровительницы — Госпожи Смерти. Но затем грудь будто освободилась от тяжёлого камня, который давил на неё с того самого момента, как я заметил бесчувственное тело Эмили на поле боя.

Глубоко вдохнув, я едва заметно усмехнулся — в ответ на негодующий выкрик брата Королевы драконов. В этой усмешке смешались и торжество, и издёвка, и едва уловимое облегчение. «Она в безопасности», — пронеслось в голове, и на душе стало чуть легче, хотя битва ещё не была окончена.

Мой противник, герцог Арден, яростно атаковал. Лезвие его меча сверкало, высекая искры при столкновении с моим серым клинком. Граф детей ночи ловко парировал его выпады. Я чувствовал, как в воздухе витает запах раскалённого металла и магии — острая, почти осязаемая смесь.

Герцог горел жадной мести: за «похищение» сестры, за предполагаемую угрозу их роду, за саму мысль о том, что его сестра может связать судьбу с вампиром. Каждый его удар был пропитан ненавистью, каждый выпад — криком души, полным боли и страха за близкого человека. Я отчётливо видел это в его глазах — там бушевала настоящая буря.

Но я сохранял могильное молчание. Знал: это бесит противника ещё сильнее. Молчание — как нож, который режет беззвучно, но глубоко. Оно лишало герцога возможности выплеснуть ярость в словах, заставляло концентрировать её в ударах — а чем яростнее удар, тем легче найти в нём брешь.

Когда Арден перешёл на оскорбления и позволил себе высказать мысль, что Эмили несчастна со мной, внутри что-то болезненно сжалось.

«Несчастна...» — эхом отозвалось в голове, отозвалось тупой, ноющей болью где-то в глубине груди. Эти слова ударили сильнее любого клинка.

В тот же миг я твёрдо решил: брат Королевы поплатится за эти слова. В глазах мелькнул холодный, расчётливый блеск — я уже прикидывал, как лучше поставить противника на грань смерти, но не дать ему умереть...

Но судьба распорядилась иначе.

Арден вновь попытался применить магию — и та обернулась против него самого. Рассеялась, вспыхнув ослепительной искрой, — видимо, из-за магического перенапряжения, вызванного попыткой усмирить силу сестры. А в следующий миг внезапный поток воды, будто вызванный самой стихией, швырнул герцога к земле, пригвоздив к берегу.

Река, до этого мирно струившаяся вдоль поляны, вдруг вздыбилась, обрушив на дракона целую волну. Я отчётливо услышал глухой удар, когда он рухнул на влажную глину, и на мгновение даже ощутил странное удовлетворение от того, что стихия сама вмешалась в наш поединок.

Неспешно подойдя к обездвиженному противнику, я движением, отточенным годами тренировок, выбил клинок из его рук — и приставил своё магическое оружие к горлу герцога. Немного перестарался — остриё прочертило глубокий

порез, из которого вяло потекла ярко-алая кровь. Она не собиралась темнеть на воздухе — признак того, что магия ещё пульсировала в жилах раненого, поддерживая его жизнь вопреки всему.

Герцог задыхался, его глаза горели бессильной яростью. Он пытался что-то сказать, но слова застревали в горле — то ли от боли, то ли от унижения. Я уже обдумывал, что делать дальше, но...

— Не смей убивать его, — раздался холодный, властный голос Госпожи Смерти, пронизанный такой мощью, что даже земля под ногами слегка дрогнула.

Повернув голову, я увидел, как она продолжает поглаживать Эмили по голове. Королева драконов всё ещё не очнулась, но её ресницы слегка подрагивали — казалось, ей снилось что-то нехорошее, какие-то отголоски пережитого кошмара. Большая кошка, верный зверь Эми, лежала рядом, положив морду на передние лапы, и внимательно наблюдала за происходящим. Её янтарные глаза мерцали в полумраке, будто два маленьких огонька.

Я замер, глядя на медленно стекающую по ране ярко-алую кровь своего противника. Клинок в моей руке дрогнул — ещё мгновение, и я оставил бы на его теле глубокий, неизгладимый шрам. Но в этот миг воздух вокруг сгустился, наполнившись древней силой, и раздался голос Госпожи Смерти.

Её слова, холодные и властные, будто сковали мою руку. Клинок, так и не успевший во второй раз вкусить крови

Древних, растаял в воздухе, обратившись безобидным туманом, а капли крови на нём обратились пеплом.

* * *

Не глядя, я склонил голову перед своей Госпожой — почтительный, но краткий поклон — и молча последовал за Ней в Мир-что-за-Гранью. Оставляя герцога Ардена наедине с его смятением. Наверняка он сейчас пытается понять, что только что произошло и почему он всё ещё дышит.

Оказавшись рядом с Госпожой Смертью, я заметил, как выход между мирами плавно закрылся за нами, будто захлопнулась невидимая дверь. На краткий миг в груди всколыхнулся звериный страх — но я подавил его.

Несмело подняв взгляд на Покровительницу, я замер: на Её коленях, безмятежная и хрупкая, лежала моя близкая подруга. Беззвучный вопрос застыл в моих глазах — и вскоре я получил на него ответ. В тот же миг она закрыла портал между мирами, и пространство вокруг нас уплотнилось, отрезая от остального мира.

— Её память повреждена, — произнесла Госпожа Смерть, не отрывая ладони от белоснежных волос девушки. — Всплеск её маны был слишком силен. От этого даже земля изменилась по её велению — вон, видишь, там, где она лежала, трава почернела, а камни покрылись инеем. Будь готов: её память может что-то стереть, что-то изменить. Возможно, тебя это тоже коснётся.

Она посмотрела на меня, чуть нахмутив лицо, а затем

вздохнула — и в этом вздохе прозвучала тень усталости, непривычная для бессмертной сущности.

— Сейчас она не очнётся. Ей нужен отдых. Тут ей не место. Твоя задача — отнести её в комнату и дать ей прийти в себя. И будь осторожен: пока её магия нестабильна, она может неосознанно атаковать даже тех, кого любит.

Кошка, услышав слова о возвращении, тут же поднялась на лапы. Её шерсть слегка вздыбилась, глаза блеснули — она была готова сопровождать хозяйку куда угодно, охраняя её даже во сне.

Я молча кивнул, принимая приказ. Осторожно поднял Эмили на руки — она казалась невесомой, будто призрак. Её дыхание было ровным, но лицо оставалось бледным, а на лбу проступила тонкая испарина. Кожа была холодной на ощупь, но под ней чувствовалась скрытая, пульсирующая сила — как тлеющие угли, готовые вспыхнуть в любой момент.

«Что же с тобой случилось, Эми?» — подумал я, глядя на неё. В душе смешались тревога, нежность и твёрдая решимость защитить её любой ценой.

Бросив последний взгляд на герцога Ардена — того, кто ещё недавно угрожал мне смертью, кто кричал о предательстве и несчастьях, — я шагнул вслед за кошкой, унося свою возлюбленную прочь из этого опасного места.

В голове крутились мысли: впереди нас ждут испытания, но сейчас главное — чтобы Эмили выжила и восстановилась. А остальное... остальное мы решим потом.

Глава 2. Ожидание

Я сидел в кресле у кровати Эми, и время для меня остановилось.

Не замедлилось, не потекло иначе — именно остановилось, словно кто-то невидимый положил палец на стрелки часов и сказал: «Достаточно. Хватит.» За окном падал первый снег — мелкий, редкий, неуверенный, будто сам не знал, стоит ли ложиться на землю. Снежинки кружились у стекла, нехотя опускались, касались карниза — и тут же таяли, оставляя мокрый след, ни следа, ни снега, просто воду, которая тут же впитывалась в камень. Я смотрел на них и думал: вот и снег не может решиться. Лечь — не лечь? Остаться — не остаться? Каждая снежинка тянула к земле, но что-то держало её наверху, что-то нерешительное, слабое, в чём не было жизни. Я узнал это чувство. Я сам был такой же снежинкой — висел между отчаянием и надеждой, не в силах опуститься на землю, не в силах взлететь.

Хеку, кошка Эми, лежала у ног хозяйки, изредка поднимая голову и проверяя — дышит ли. Каждый раз, когда она поднимала мордочку, её зелёные глаза задерживались на лице Эми на две-три секунды, не больше, но в этих секундах было что-то такое — какая-то древняя, звериная убеждённость в том, что проверять нужно. Что если перестать проверять — всё может измениться. Хеку не понимала магии, не

понимала всплесков и стабилизации, не понимала, что значит «кома». Она просто знала: хозяйка должна дышать. И если хозяйка дышит — значит, всё в порядке. Хеку проверяла и ложилась обратно, укладывая подбородок на скрещенные лапы, и её уши слегка подрагивали, ловя каждый звук в комнате.

Моя кошка — чёрная, с белой звёздочкой на груди — свернулась у моих ног, и я машинально гладил её, не замечая этого. Мои пальцы двигались сами, по памяти, потому что сознание было не здесь — оно было целиком в той, что лежала на кровати. Пальцы скользили по мягкой шерсти, за ухом, вдоль спины — привычные движения, доведённые до автоматизма, и кошка тихо мурлыкала, и это мурлыканье было единственным живым звуком в комнате, если не считать дыхания Эми. Два ровных, тихих звука — мурлыканье и дыхание — и я держался за них, как за верёвку над пропастью.

Я смотрел на Эми и не мог смотреть. Каждый раз, когда я поднимал глаза к её лицу, что-то сжималось внутри — не в груди, нет, где-то глубже, там, где у вампира, казалось бы, ничего не должно сжиматься, потому что вампир — это холод, расчёт, сила. Но я давно перестал быть «просто вампиром». Я стал тем, кто любит, а любовь — это уязвимость, щель в броне, через которую входит всё: страх, боль, надежда, отчаяние.

Её лицо, бледное, неестественно спокойное, было лицом спящей — не больной, не умирающей, просто спящей, и от

этого было страшнее. Неестественно спокойное — вот что пугало больше всего. Ни морщинки боли, ни тени тревоги, ни следа страдания. Идеальное, гладкое, белое лицо с чуть розоватыми губами и длинными белыми ресницами, лежащими на щеках, как два полумесяца. Если бы она металась в жару, если бы стонала, если бы лекари суетились у её постели, если бы её лоб покрылся испариной, а руки сжимали простыню — хоть что-то. Хоть что-то, за что можно ухватиться, что-то живое, настоящее, болезненное, доказывающее, что там, внутри, идёт борьба, что она борется, что она не просто лежит, а сражается — с чем-то невидимым, с чем-то, что забрало её сознание и не хочет возвращать.

Но она просто спала, и магия её, стабилизовавшаяся после всплеска, ровно пульсировала под кожей, как будто ничего не случилось. Я видел это магическим зрением — мягкое, ровное свечение, голубовато-серебристое, расходящееся от неё волнами, как от брошенного в воду камня. Только волны не затихали — они шли и шли, бесконечные, ритмичные, и в этом ритме не было ни сбоя, ни угрозы. Как будто она просто устала и прилегла на минуту — закрыла глаза, чтобы передохнуть, и вот-вот откроет их и скажет что-нибудь колкое, обычное, живое — а минута длилась уже двое суток.

Двое суток. Сорок восемь часов. Две тысячи восьмьсот семьдесят минут тишины. Я считал — не мог не считать, потому что счёт был единственным, что удерживало меня в реальности. Каждая минута отмечалась, откладывалась в

памяти, и я думал: вот ещё одна минута, в которой Эми не проснулась. И ещё одна. И ещё. И каждая из них была маленькой смертью — смертью надежды, что вот сейчас, в эту самую минуту, она откроет глаза.

Я провёл рукой по лицу и закрыл глаза. Не спал двое суток — с того момента, как принёс её сюда на руках, и госпожа Смерть, мелькнувшая тенью у стены, тихо произнесла: «Она жива. Но я не знаю, вернётся ли та, которую ты знаешь».

Она появилась без предупреждения — просто вдруг в углу комнаты сгустилась темнота, чуть гуще, чем обычная тень, и из этой темноты выступили два глаза — бездонные, спокойные, всезнающие, и голос — тихий, ровный, без интонации, как у кого-то, кто видел слишком много смертей, чтобы придавать значение ещё одной. Хотя — не одной. Не одной, потому что это была Эми, а Эми была... Эми была всем.

«Она жива», — сказала госпожа, и я почувствовал, как колени подламываются, но не от слабости — от облегчения, такого резкого, что оно было как удар. «Но я не знаю, вернётся ли та, которую ты знаешь». И вторая фраза догнала первую, как догоняет волна песок — медленно, неотвратимо, и смысла всё облегчение, оставив только солёный привкус страха на губах. Я хотел спросить — что значит «не знаю»? Ты — госпожа Смерть, ты знаешь всё о жизни и смерти, ты видишь нити судеб, ты — кто, если не ты? Но я не спросил. Потому что в её голосе, в этом ровном, безэмоциональном

тоне, я услышал то, чего боялся больше всего: она действительно не знала. И это «не знаю» было первым, что я услышал от своей Покровительницы за все годы службы, в чём она не была уверена.

С тех пор я не отходил от кровати ни на шаг — только на мгновение, чтобы принять еду от служанки и обменяться парой слов с секретарём Валом, который приносил бумаги на подпись. Эти мгновения казались мне предательством — я уходил на три шага к двери, брал поднос, кивал, говорил «оставьте на столе» — и возвращался, и садился, и клал руку на край кровати, рядом с её рукой, не касаясь, потому что боялся, что прикосновение нарушит что-то хрупкое, нарушит равновесие, в котором она держалась.

Мне приносили еду, и еда остывала. Подносы появлялись и исчезали — один, другой, третий — и я не помнил, что именно было на них. Суп? Мясо? Хлеб? Я видел еду и не видел её. Я заставлял себя есть — тело вампира требовало сил, а я нужен был Эми здоровым, не обессиленным. Когда — если — она очнётся, мне нужно быть в состоянии сделать для неё всё, что потребуется. Вызвать врачей, накормить, напоить, поднять, удержать, если она попытается встать слишком рано. Я не мог позволить себе роскошь слабости.

Но каждый кусок давался с трудом: горечь стояла в горле, и всё на вкус было как пепел. Пепел — не метафора, а почти буквальное ощущение: язык, нёбо, горло — всё было покрыто невидимым слоем безвкусыя, как будто тело отказывалось

принимать что-либо, пока она не проснётся. Как будто еда была договором с нормальностью, а нормальность была отменена. Я жевал и глотал, и каждый глоток был актом воли — не голода, не аппетита, а воли, потому что я сказал себе: ты будешь есть, ты будешь сильным, ты будешь ждать.

«Сколько я просидел тут?» — подумал я, глядя на тарелку с остывшим супом, которую служанка поставила на столик у двери. Суп покрылся тонкой плёнкой жира, остывшего, застывшего, мутного. День? Два? Я потерял счёт. Сначала считал — минуты, часы, потом перестал, потому что числа стали неважными. За окном сменились дни, падал снег, таял, падал снова — маленькие снежинки, неуверенные, как моя надежда, — а я сидел и слушал её дыхание — ровное, тихое, и каждый вдох казался мне чудом, а каждый выдох — обещанием, что ещё один вдох будет. Я жил на выдохах. Каждый выдох был мостиком к следующему вдоху, и я переходил по этим мостики, осторожно, на цыпочках, боясь, что один из них однажды не выдержит и обрушится, и я полечу вниз, в ту тишину, из которой нет возврата.

Хеку, почувствовав моё состояние, спрыгнула с кровати, подошла и ткнулась лбом в колено. Тихий, влажный нос, тёплый лоб, прижимающийся к ткани штанов — она делала это беззвучно, но настойчиво, как будто говорила: я здесь, я знаю, мне тоже страшно, я здесь. Я опустил руку и погладил её между ушей — мягкая шерсть, тёплый лоб, бешено стучащее сердце. Она дрожала. Кошка дрожала, а я — нет.

Я разучился. Дрожь — это реакция тела на страх, а моё тело давно перестало реагировать на страх, потому что страх стал не эпизодом, а фоном, стал воздухом, которым я дышал, и вы не дрожите от воздуха, вы просто дышите им.

— Я в порядке, — прошептал я ей, и это была ложь, и мы оба это знали. Хеку посмотрела на меня своими зелёными глазами — внимательно, серьёзно, не по-кошачьи — и медленно моргнула. Один раз. Долгий, тяжёлый морг, который говорил больше, чем слова. Потом вернулась на кровать и легла у ног хозяйки, положив хвост вдоль её лодыжки, как будто держала её — не давала уйти.

Я вспоминал. Вот она — Эми, какая была до всплеска: живая, острая на язык, с этим взглядом небесно-голубых глаз, в котором одновременно жили и холод королевы, и тепло девушки, которая умеет смеяться. Этот взгляд — я мог бы описать его часами и не исчерпать. Холод был не льдом, не равнодушием — холод был достоинством, уверенностью, inherited от отца, от королевской крови, от воспитания, от привычки командовать. А тепло — тепло было её, личное, спрятанное за холодом, как огонь за дверью очага: виден свет в щели, чувствуется тепло, если подойти близко, но дверь не открыта для всех. Для меня — открыта.

Вот она фехтует на тренировочном поле, волосы выбились из косы, она сердится, но всё равно улыбается. Я помню этот день — солнце, пыль, блеск клинка, и она — в лёгкой тунике, босиком по траве, потому что обувь стесняла движе-

ния, и она бросила её в сторону, и я подобрал и стоял с её сапогами в руках, как дурак, и смотрел, как она фехтует, и думал: я никогда не видел ничего прекраснее. Она проиграла тот поединок — намеренно, я потом понял, потому что её противник был молод и неуверен, и она не могла позволить себе победить его, потому что это убило бы его веру в себя. Она проиграла, но улыбнулась, и подошла ко мне, и забрала сапоги, и сказала: «Носить чужие сапоги — дурная примета», и ушла, и я стоял и смотрел ей вслед, и не мог заставить ноги двинуться.

Вот она крадёт у меня из тарелки, делает вид, что не причём, и её глаза невинно-хитрые — такие, что невозможно не рассмеяться. Она делала это каждый раз — каждый! — когда мы ели вместе. Брала кусок — мой кусок, лучший, который я откладывал напоследок — и подносила к губам, и смотрела на меня с этим выражением абсолютной невинности, как будто рука действовала сама, без её ведома, и кусок случайно оказался у её рта. Я делал вид, что сердит. Она делала вид, что верит. Мы оба знали, что это игра, и игра была лучше любого серьёзного разговора, потому что в ней было всё: доверие, близость, радость.

Вот она засыпает у меня на плече, её дыхание щекочет шею, и я не шевелюсь, чтобы не разбудить. Час, два — не шевелюсь, потому что её сон важнее моего затёкшего плеча. Три часа, четыре — рука немеет до кончиков пальцев, но я не двигаюсь, потому что её голова на моём плече — это вес,

который я нёс бы вечность, не жалуясь. Это тяжесть, которая ничего не весит, потому что тяжесть любимого человека — это не груз, а якорь. Она держала меня на месте, удерживала в мире, в реальности, в настоящем, и я бы онемел до костей, лишь бы не нарушить этот момент.

Воспоминания были яркими, живыми, болезненными — потому что каждая картинка из прошлого контрастировала с тем, что лежало передо мной сейчас: бледная, неподвижная, с закрытыми глазами, с белоснежными локонами, разбросанными по подушке. Те же локоны. Та же она. Но — не она. Те же волосы, что я гладил, когда она засыпала у меня на плече, теперь лежали на подушке, и я не мог до них дотронуться, потому что боялся, что если дотронусь — то ощутил бы под ними не тепло головы, а что-то другое, что-то неживое, и это меня убьёт.

«Госпожа, — обратился я мысленно к своей Покровительнице, — она вернётся?»

Ответа не было. Госпожа Смерть молчала, и это молчание было страшнее любого ответа. Она могла бы сказать «да» — и я бы дышал. Могла бы сказать «нет» — и я бы... но она молчала. Молчание — это не отсутствие ответа. Молчание — это ответ, который вы не готовы услышать. Или — ответ, который ещё не существует. И от этого было ещё хуже, потому что «нет» — это конец, конец — это финиш, а за финишем можно встать и идти дальше, тяжело, больно, но можно. А молчание — это туман, в котором нет ни дороги, ни сте-

ны, ни направления, и ты стоишь и не знаешь, идти или оставаться, потому что не знаешь, куда идти и от чего уходить.

Спустя час — или два, или три, время в этой комнате текло иначе, замедленное, вязкое, как мёд в холодный день — в дверь постучали, и она открылась. Я мгновенно вскинул руку, начиная плести боевую магию Госпожи Смерти: тьма, холод, привычная тяжесть силы в ладони — чёрные нити потекли от пальцев, сплетаясь в структуру, знакомую до боли, готовую развернуться и ударить. Но магическое зрение тут же подсказало: угрозы нет. Ни враждебной ауры, ни искажения силовых линий, ни запаха чужой магии — только привычные, спокойные, бытовые контуры: служанка, ещё кто-то за ней, всё знакомое, всё безопасное. Я плавно разрушил неоконченное плетение, впитав силу в себя, и поднялся навстречу вошедшим. Сердце стучало — не от страха, а от привычки. За двое суток я разучился доверять дверям. Каждое открывание было вторжением, каждый звук — возможной угрозой, потому что если что-то может потревожить Эми — оно должно быть остановлено, немедленно, без разговоров, без разбирательств.

Служанка, поставив поднос с едой на столик, поклонилась и быстро исчезла. Она боялась меня — я видел это по тому, как она избегала смотреть в мою сторону, как её руки слегка дрожали, когда она ставила поднос, как она пятилась к двери, не поворачиваясь спиной. Я не обижался. Вампир, который не спит двое суток и плетёт боевую магию на каждый

стук в дверь — это не тот, с кем хочется задерживаться для светской беседы.

За ней вошёл бывший король — отец Эми, Элгром Разящий, — а за ним, почёсывая затылок, плёлся брат девушки, Арден. Элгром вошёл так, как входил во всё в жизни — широко, уверенно, заполняя собой пространство. Он был большим человеком — не только в смысле власти, но и в смысле роста, плеч, голоса, присутствия. Даже без короны, даже в простой дорожной одежде, даже с сединой в бороде и морщинами у глаз — он был королём. Не по титулу, а по осанке, по тому, как он нёс себя, как смотрел, как дышал.

Я заметил, как парень замедлил шаг у порога, как его глаза нашли сестру на кровати и задержались — и в этом взгляде мелькнуло что-то, от чего я почти его простил. Не слащавое, не сентиментальное — нет. Просто боль. Настоящая, неподдельная, та, что не притворишь: сжатые губы, чуть расширенные зрачки, едва заметный вдох, который он задержал на мгновение дольше, чем нужно. Он смотрел на неё и не мог оторвать взгляд, и в этом взгляде был весь Арден — вспыльчивый, бестактный, грубый, но любящий. Любящий так, как умеет только брат — неуклюже, шумно, не зная, как выразить, и потому выражающий через гнев, через обвинения, через кулаки. Но сейчас, у порога сестриной комнаты, он был просто мальчишкой, который увидел свою сестру — и не мог ничего сделать.

Я почтительно поклонился отцу Эми, чуть менее почти-

тельно — её брату, с которым у нас ещё предстояло выяснить отношения. Но сейчас это не имело значения. Ничто не имело значения, кроме девушки, лежавшей на кровати. Обиды, гордость, стычки — всё это было где-то там, за стенами, в другом мире, в другой жизни. Здесь была только Эми.

Старый король подошёл к дочери, сел рядом и погладил по волосам, которые немного растрепались. Его рука — крупная, мозолистая, рука воина, которая держала меч, щит, повод коня, которая подписывала указы и наносила смертельные удары — была непривычно нежной. Пальцы, которые я видел в действии — жёсткие, тяжёлые, уверенные — теперь едва касались белоснежных прядей, перебирали их бережно, как если бы волосы были сделаны из стекла и могли рассыпаться от одного неловкого прикосновения. Я отвёл глаза: это зрелище было слишком личным, слишком хрупким. Отец и дочь, и между ними — тишина, наполненная тем, что никогда не будет сказано вслух, потому что короли не умеют говорить о чувствах, они умеют только показать — прикосновением, взглядом, молчаливым присутствием.

— Поешь, — сказал он, не оборачиваясь. — Тебе нужны силы. Уверен, что отсюда ты не уйдёшь, пока она не очнётся.

Голос был ровный, низкий, привыкший отдавать приказы, но без приказной интонации. Не «поешь, потому что я велю», а «поешь, потому что ты нужен ей, а нужный человек должен быть сильным». Я услышал в этом голосе и заботу — не обо мне, о дочери, но заботу, выраженную через меня,

потому что я был тем, кто стоял между ней и миром, и если я рухну — рухнет всё.

Помолчав, он добавил: — И прости моего сына за вспыльчивость. Он много лет искал сестру, поэтому сильно переживает, вот и наговорил всякого.

Бывший король зыркнул на сына — короткий, тяжёлый взгляд, от которого Арден словно стал на пару сантиметров ниже. Тот, выдохнув, поклонился мне. Поклон был неуклюжий, торопливый, ссутуленный — не придворный поклон, а жест человека, который не привык извиняться, но заставил себя, потому что отец сказал, и потому что сестра лежала на кровати, и на фоне этого все обиды казались мелкими и постыдными.

— Прости за то, что обвинил, не разбираясь, и напал... Можешь оставаться тут. Твоими делами займётся твой помощник, и я, если что, помогу, если не смогу — прямиком доставлю сюда.

Парень выпрямился и погладил шею сзади, отводя виноватые глаза. Я заметил шрам на его шее — след нашего недавнего столкновения — красноватый, неровный, ещё свежий, с припухшими краями. Когти вампира оставляют раны, которые заживают медленно — даже на сильном маге, даже на наследнике королевской крови. Я смотрел на этот шрам и думал: вот что я оставил её брату — отметину, память о том, что вампир, которого он обвинял, способен на разрушение. Но способный на разрушение — не значит разруши-

тель. Я мог убить его тогда. Не убил. Остановился. И сейчас, повинувшись порыву — не расчёту, не плану, а порыву, который пришёл откуда-то из глубины, из того места, где жили не разум, а инстинкты, — я легко выдохнул, мысленно про-износя заклинание слабого исцеления. Тёплая волна, шорох закрывающейся плоти — я чувствовал это так, как чувствует музыкант каждую ноту: ткань смыкается, края раны стягиваются, кожа разглаживается, и боль уходит, как уходит вода в песок. Рана затянулась, и Арден удивлённо моргнул, потрогав шею — пальцы нашли гладкую кожу там, где секунду назад была бугристая отметина. Он посмотрел на меня, и в его глазах было что-то новое — не уважение, ещё нет, но тень понимания: тот, кто лечит шрам, нанесённый в гневе, — не враг. Не совсем враг. Я кивнул ему, принимая извинения, и поставил точку в недавнем конфликте. Не потому что забыл — потому что Эми бы этого хотела. Эми, которая верила, что люди могут быть лучше, чем они есть. Эми, которая простила бы его мгновенно, обняла, сказала что-нибудь вроде: «Дурак ты, Арден, но я тебя люблю» — и всё было бы кончено. Я не мог обнять. Но мог затянуть шрам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.